

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 821.161.1

Doi 10.26456/vtfilol/2024.4.120

ДИАЛОГОВАЯ ФОРМА ПОСТРОЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ В ЛИРИКЕ Ю.П. КУЗНЕЦОВА

П.С. Громова

Тверской государственный университет, г. Тверь

Статья посвящена роли диалога как форме построения художественной речи в стихотворениях Ю.П. Кузнецова. Отмечается, что в поэтический диалог вовлекаются предметы, объекты и живые существа, представляющие собой образы-символы, восходящие к фольклорно-мифологической традиции. Диалоговая форма в лирике Ю.П. Кузнецова восходит к архаичной форме диалога философского учения, где поэт оказывается в роли вопрошающего.

Ключевые слова: диалог, вопросно-ответная форма построения речи, поэтическая речь, русская литература, поэзия, Ю.П. Кузнецов.

Диалогу в лирике как форме построения художественной речи уделяется сравнительно мало внимания. В основном, исследователей интересует диалог в лирике как стратегия авторской рефлексии, эстетического самоопределения и выражения или взаимодействия автора и читателя, что особенно интересно в свете того, что лирика является наиболее монологичным родом литературы [1; 5; 8]. Так, Н.Н. Иванова говорит о диалогичности лирики в широком смысле, понимая эту диалогичность как «характер выражаемых в ней отношений между автором (лирическим героем) и современным массовым читателем-слушателем, то существенное качество поэтического слова, которое влияет на самую суть лирической поэзии, как бы превращая ее из авторского лирического монолога в диалог – форму беседы автора с читателем» [3: 211]. Отмечается, что «в лирическом тексте диалог как речевая структура, являющаяся обменом репликами субъектов общения, воспроизводится редко по сравнению с другими литературными родами – драмой и прозой, поскольку лирика монологична по своей природе. Имеющиеся в лирическом тексте диалоги обычно отличаются минимальной синтаксической сложностью, краткой протяженностью реплик, простотой структуры (чаще всего это репликовая пара)» [4]. Заслуживает внимания и собственно вопросно-ответная форма построения лирической речи. Во-первых, в родовом отношении, в зависимости от своей специфики, она связана с эпосом или драмой, а следовательно, вводит в лирический текст эпические и драматические нарративы, расширяя и усложняя нарративную структуру лирического

текста. Во-вторых, вопросно-ответная форма подразумевает введение в текст другого субъекта речи, представляющего собой, в сущности, лирическое «не-Я», которое вступает с лирическим «Я» в сложные смысловые и аксиологические отношения. Всё это мы можем наблюдать в стихотворениях и поэмах Ю.П. Кузнецова, где диалоговая форма построения текста оказывается весьма актуальной и продуктивной.

Поэтический мир Кузнецова говорит. Поэт, а следом и его лирический герой вступает в диалог со всем, что его окружает. Бревно, колесо, игла, тень, пиджак или платье, кремлевская стена, небо, звезда и даже горящая гнилушка – всё наделено голосом, всё отвечает, и в этих разговорах открываются тайны мироздания, неочевидная основа повседневного существования человека, то чудесная, то страшная, а иногда и то, и другое вместе. Так, в стихотворении «Игла» простой предмет оказывается причастен к судьбе вселенной, что раскрывается в диалоге: « - Скажи, игла, какой тщеты // Идет твоя молва? <...> // - Я помню вечную швею // Среди низин и дыр. // В мое ушко продев змею, // Она чинила мир» [6]. Представляется, что диалоговая форма выбрана далеко не случайно: благодаря ей предмет получает право голоса и с речью обретает не только атрибуцию артефакта, подчеркивающую его значимость, но и личностное начало. Кроме того, именно от такого предмета исходит знание об устройстве мира.

И предметы, и живые существа, с которыми вступает в диалог лирический герой, всегда значат больше, чем нечто конкретное. Это образы-символы, зачастую восходящие к фольклорной традиции или к мифологии. Если речь идёт о неодушевленном предмете, то он у Кузнецова обычно представляет собой культурную универсалию либо сводим к ней. Так, игла «в славянском культе связана с потусторонним миром, она могла быть как инструментом порчи, так и оберегом, т.е. предметом, который может призвать тёмные или светлые силы. Игла является контактом с иным миром» [2: 170]. Предметы одежды (пиджак, пальто, платье) символически отождествляются с самим человеком. Подменяя, замещая его (стихотворения «Мужчина и женщина», «Отсутствие» и др.), они обозначают проникновение в обыденный мир темных сил, губительной пустоты, то есть, становятся символом физической и духовной энтропии.

Часто объекты и предметы, вовлеченные в диалог, исполняют роль волшебных помощников, которые являются обязательным элементом фольклорной волшебной сказки. Так, в стихотворении «Четыреста» герою указывают путь осинный листок на дубовом дереве (нечто небывалое), народная молва и гора, в стихотворении «Отец космонавта» сходную роль выполняют дорога, женский призрак, стена Кремля и звезда, с той лишь разницей, что сыну отыскать отца удастся (волшебные помощники указывают ему направление), а отцу сына – нет, космонавт прошел «поперек и сквозь» [6], и никто ничего о нем не знает.

Таким образом, в подобном диалоге проявляется связь поэзии Кузнецова с фольклорной традицией.

Как уже говорилось, то или иное создание, пусть даже самое жалкое, оказывается сопричастным тайному устройству мира. По сравнению с ним человек предстает маленьким, ограниченным, и лучшее, что он может сделать – это смирить свою гордыню «царя природы» и прислушаться к словам, которые слышит. Примером может служить стихотворение «Муха», начинающееся строчками: «Смертный стон разбудил тишину – // Это муха задела струну...» [6]. Оставив в стороне реминисценцию с Чеховым, обратим внимание на то, что муха предстает не только как обычное досужее насекомое, но и как собирательный образ. Она задевала нить судьбы «у дремлющей Парки в руках», «барахталась в Млечном пути», «сновала по нимбу святого», «по спящей царевне ползла» и «из раны славянской пила» [6]. Разговор с подобным существом не может быть бессмысленным и неценным.

Образ мухи в мифопоэтической традиции связан с ее малыми размерами, назойливостью, нечистотой. Поэтому обычно муха символизирует зло, грех и соотносится с персонифицированными мифологическими образами, чаще всего воплощающими силы нижнего мира. Образ мухи актуализирует тему малого, ничтожного, вредящего большому и значительному. Вместе с тем, будучи, как и большая часть мифологем, амбивалентным, образ мухи соотносим с идеей вечности и бессмертия, а в мифах и сказках муха может выступать в качестве волшебного помощника героя. Все эти смыслы реализованы в стихотворении Кузнецова. Кроме того, как известно, в сказках и мифах муха может являться временным обликом героя. В указанном стихотворении эта традиция реализуется в композиционном и смысловом сопоставлении: «Я сражалась с оконным стеклом, // Ты сражался с невидимым злом, // Что стоит между миром и богом» [6]. То есть, для человека «невидимое зло» – такая же непреодолимая преграда, как стекло для мухи. В борьбе с ним он мал и ничтожен. Однако эта борьба важна для мира и, по сути, является наивысшим предназначением человека. Поэтому не случайно лирический герой этого стихотворения в итоге отпускает муху. Являя русский национальный характер, он предстает добрым молодцем-богатырем, который борется со злом.

Так же, как значим в диалоге ответ, значимо и молчание. В стихотворении «Колесо» герой вопрошает: « – Ты откудава // Оторвалося? Куда держишь путь?» Однако ответа не получает: «Но молчит оно, мимо катится, // Только звон гудит, только пыль стоит» [6]. Колесо в фольклорно-мифологической системе – символ солнца, жизненного цикла, перерождения и обновления, времени, вечности. Колесо, молчащее в ответ на вопрос героя, символизирует молчание мира, точнее, невозможность человека постичь природу происхождения мира, его судьбу и цель существования, равно как и смысл собственной

жизни. Мир проносится мимо человека, оставляя его в печальном неведении: «Прокатилось, промоталось // По плакун-траве и по трын-траве» [6].

Особое значение в лирике Кузнецова имеет разговор с мертвецами, усопшими. Сами по себе слова «мертвец» и «покойник» особенные, поскольку принадлежит к небольшой группе существительных, которые, обозначая неодушевленный предмет, грамматически являются одушевленными, что отражает древнейшие представления людей о сущности усопшего, закрепившиеся в языке и перешедшие в образную систему художественной литературы. Нельзя сказать, что слова в таком диалоге пересекают некую грань между миром живых и миром мертвых, поскольку художественная действительность Кузнецова синкретична. Однако несомненно некое инобытие, в котором пребывают мертвые, и их сопричастность потаенному знанию о мире или, по крайней мере, знанию отличному от того, каким владеют живые.

В лирике Кузнецова можно проследить несколько вариантов реализации мотива посмертного разговора. Во-первых, это разговор-узнавание. Мы можем наблюдать это в стихотворениях-балладах «Четыреста» (в уста погибшего отца вкладывается рассказ о гибели четырехсот солдат) и «Вечный снег», в котором о гибели солдат старику-пастуху рассказывает один из них, причем здесь речь идет уже не только о конкретном трагическом событии, эпизоде войны, но о некоем глубинном законе жизни и смерти.

Во-вторых, это разговор, который инициируется самим усопшим. С живыми заговаривает потревоженный ими мертвец. Так, в стихотворении «Память» на услышанную реплику случайного прохожего отзывается голос из-под земли, принадлежащий усопшему (или усопшим) в обобщенном смысле: «приглушенные рыдания // Дошли, как кровь, из-под земли» [6]. От него (от них) современные люди узнают тайну о себе: «вы бездну перешли» [6]. В стихотворении «Бревно» из колоды (гроба) выползает мертвец, потревоженный временем, которое символизируют брошенные к нему часы. Его обыденная реплика: « – Извиняюсь, мы где-то встречались?!» перекликается с эпизодом поэмы «Золотая гора», в котором мертвец символично оказывается под сдвинутым с места путевым камнем: «Ты отражен в любой воде, // А я – в твоём лице» [6]. Образ мертвеца является обобщенным образом всех усопших, так же как и образ героя поэмы является обобщенным образом всех живых людей с их желаниями, смелыми амбициями и переживаниями. Таким образом, диалог двух лирических субъектов оборачивается диалогом двух миров – мира живых и мира мертвых. Диалоговая структура поэтического текста свидетельствует не об их разобщенности, а, наоборот, о тесной, хотя и сложной в понимании Кузнецова, связи.

В-третьих, это разговор с безмолвием, то есть разговор, где на реплику живого усопший не дает ответа («Завет», «Моросящий дождь» и др.). Как уже говорилось, молчание в вопросно-ответном построении художественной речи в лирике Кузнецова оказывается не менее значимым, чем вербальный ответ. В случае посмертного разговора оно символизирует возникновение границы между миром живых и миром мертвых и невозможность их взаимодействия, которая в свою очередь свидетельствует о распадении первобытного синкриза. Таким образом, в ранней лирике Кузнецова диалог с покойным связан с раскрытием бытийных тайн и сохранением исторической памяти, а затем формируется представление о разговоре между живыми и мертвыми как о свидетельстве единства и цельности мира. Однако начиная с 80-х годов этот мотив редуцируется, что, вероятно, обусловлено становлением православного мировоззрения поэта и в целом его вступлением в пору личностной зрелости.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что в основе диалоговой формы в поэзии Кузнецова лежит древнейшая форма диалога ученика и учителя, в котором посредством вопросно-ответной формы излагается то или иное философское учение, формирующее картину мира. Пройдя через множество трансформаций, эта форма в лирике Кузнецова преобразуется в приобщение живого человека к тайнам мироздания, о которых не знают люди, но которые известны особым предметам, природным объектам, явлениям или усопшим. Поэт, выступающий в роли вопрошающего, становится, таким образом, своего рода ретранслятором сакрального знания об истинном устройстве мира.

Список литературы:

1. Дубовскова Е. Н. Диалог как универсальная форма авторского самовыражения в философской лирике: теоретический аспект // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №4-3. С. 717-722.
2. Жучкова А.В., Галай К.Н. Функциональное значение мифологического образа Кощея бессмертного и его отражение в русских волшебных сказках // Вестник славянских культур. 2015. №3 (37). С. 165-175.
3. Иванова Н.Н. Диалог в современной лирике // Проблемы структурной лингвистики, 1982. М., 1984. 272 с.
4. Изотова Н. В. Диалог в лирике, драме и прозе: особенности представления // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-v-lirike-drame-i-proze-osobennosti-predstavleniya> (дата обращения: 10.02.2024).
5. Круглова Т. С. Лирический диалог как способ эстетического самоопределения русского символизма // Вестник КГУ. 2009. №4. С. 39-43.
6. Кузнецов Ю.П. Русский узел: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 226 с.

Об авторе:

ГРОМОВА Полина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества, Тверской государственной университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: pollygromova@rambler.ru

DIALOGUE FORM OF CONSTRUCTING POETIC SPEECH IN THE LYRICS OF Y.P. KUZNETSOV

P.S. Gromova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the role of dialogue as a form of constructing artistic speech in the poems of Y.P. Kuznetsov. The subjects, objects and living beings are involved in a poetic dialogue. The symbolic images date back to the folklore and mythological tradition. Silence is also regarded as an element of the dialogue structure. It is suggested that the dialogue form in the lyrics of Y.P. Kuznetsov goes back to the archaic form of presenting philosophical teaching in the form of a dialogue where the poet finds himself in the role of a questioner.

Keywords: dialogue, question-answer form of speech construction, poetic speech, Russian literature, poetry, Y.P. Kuznetsov.

About the author:

GROMOVA Polina Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philology in Publishing and Literary work, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), e-mail: pollygromova@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 05.10.24
Подписана в печать 13.10.24

© Громова П.С., 2024